

жертвования от Гранобарского, похоже, прекратились, так что в 1825 г. смотритель Ореховского училища докладывал губернскому учебному начальству, что «благотворительной суммы в сем году не поступало», а потому училище не может выписать «Украинский журнал» и «Русский инвалид» (Там же, л. 41—42). В марте 1825 г. учителям выдали деньги за квартиру, дрова и свечи, которые государство задолжало еще в 1823 г. (Там же, л. 49). Потребовалось особое согласие министра народного просвещения на погашение в 1820 г. более чем годичного долга в 81 руб. 25 коп. учителю математических наук Кузьминскому за преподавание в училище по совместительству Закона Божия (Там же, л. 51).

¹¹ *Вигель Ф. Ф.* Записки // Русский архив. 1892. № 3. С. 203.

Рольф-Дитрих Кайль

(Бонн, Германия)

«КАК САДИ НЕКОГДА СКАЗАЛ...»

(Из наблюдений над «ориентализмом» А. С. Пушкина)

Когда в связи с Пушкиным звучит имя персидского поэта Саади, оно сразу же ассоциируется с эпиграфом к поэме «Бахчисарайский фонтан»: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан: но иных уже нет, другие странствуют далече. Саади». Как известно, Пушкин еще несколько раз возвращался к этой цитате. Так, она фигурирует в черновом варианте известного стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 1829 г. — «Иные далеко, иных уж в мире нет» (между прочим, без указания на Саади). Через год, в болдинскую осень, цитата принимает самую краткую, сжатую форму в последней строфе «Онегина»:

Иных уж нет, а те далече —

с указанием источника: «Как Сади некогда сказал».

Кроме того, Пушкин несколько раз упоминал эту же цитату в письмах и прозаических текстах, всегда в той же форме и функции, что и эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану». Первое такое упоминание встречается в письме Вяземскому, написанном 14 октября 1823 г. из Одессы. Там читаем: «„Бахчисарайский фонтан“, между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть» (XIII, 70). Тот же эпиграф вскользь упоминается в письме Бестужеву от 8 февраля 1824 г. Шестью годами позже, в Болдине, Пушкин начал писать обзор критических отзывов о своих произведениях на протяжении всей литературной деятельности. Обзор этот не закончен и только частично опубликован. В новых изданиях он печатается под заглавием «<Опровержение на критики>». Там Пушкин сообщает, между прочим, что «Бахч<исарайский> Фонт<ан> в рукописи назван был „Гаремом“, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (XI, 159). И это сообщение дословно повторяется в напечатанной в 1831 г. статье

«Возражение критикам „Полтавы“». Таким образом, одна-единственная цитата из Саади в произведениях Пушкина с 1822 по 1831 г. упоминается прямо или косвенно семь раз, причем еще два раза — в черновых набросках цитируемых текстов. А в указателе имен — большого академического издания Саади представлен 15 раз. Где же еще шесть упоминаний? Это одно опубликованное и одно незаконченное стихотворение, оба с черновыми вариантами, и одно письмо. Опубликовано стихотворение — «В прохладе сладостной фонтанов...». Оно написано в 1828 г. и тематически связан если не прямо с Бахчисараем, то по крайней мере с Крымом. В окончательном тексте стоит:

[Любили] Крым сыны Саади
(III, (1), 129)

вместо первоначальных вариантов

Крым любил Саади
(III (2), 676)

поэт Шираза милый
(III (2), 677),

то есть Пушкин сперва говорит о самом Саади, как будто побывавшем в Крыму, а потом употребляет имя персидского поэта только еще в генеалогической метафоре «сыны Саади», обозначающей вообще восточных поэтов, или «краснобаев».

В 1829 г. на пути в Арзрум Пушкин встречает персидского поэта Фазиль Хана, который отправляется на север, в Россию. Пушкин набрасывает несколько строк, в которых он уверяет, что и на суровом севере

[...Гафиза и Саади]
[знакомы имена].
(III (1), 160)

Самое интересное упоминание Саади, опять вместе с его земляком Гафизом — и даже с Магометом, находим в письме Вяземскому от конца марта — начала апреля 1825 г. из Михайловского. И в этом письме речь идет о «Бахчисарайском фонтане». Пушкин объясняет: «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще — знаешь почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен <...>» (XIII, 160). К этому тексту я еще вернусь. Пока же хочется подчеркнуть, что этим — упоминания Саади у Пушкина исчерпаны. Все они так или иначе связаны с «Бахчисарайским фонтаном» и его эпиграфом. Не думаю, чтобы это было достаточным основанием для подтверждения высказывания одного востоковеда, будто Саади был любимым поэтом Пушкина. А другой востоковед уверяет даже, что Пуш-

кин «охотно изучал персидский, турецкий и древнееврейский языки». Все это невероятные преувеличения.

Между тем мало изучена пока вопрос, откуда Пушкин знал восточную литературу, на чем основаны его суждения о ее ребячестве и уродливости. Скорее всего, это из Сисмонди, прежде всего из главы «Литература арабов», содержащейся в первой из четырех книг «De la Litterature du Midi de l'Europe», вышедших в 1813 г.¹ Там можно было прочитать такие упреки, как, например: рискованные метафоры, изобилие искусственности, злоупотребление фантазии и тому подобное.

Но как бы ни было, несмотря на «ребячество и уродливость», Пушкин все-таки восхищался эпитафией, взятой из Саади, все-таки трудился, по собственному выражению «во славу Корана», все-таки поставил над одним из стихотворений 1829 г. заглавие «Из Гафиза», хотя это и была мистификация.

И совершенно так же непринужденно он цитировал прямо и косвенно того же Томаса Мура, которого ругал за слишком уж восточный слог его поэмы «Лалла Рук».

Напомню в этой связи первое упоминание о Муре в письме Вяземскому от 2 января 1822 г.: «Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся „Лалла Рук“ не стоит десяти строчек „Тристрама Шанди“ <...>» (XIII, 34).

Поэма «Лалла Рук» появилась в 1817 г. и сразу же была воспринята с восторгом всей Европой. Пушкин познакомился с этим произведением по французскому переводу Пишо, опубликованному в 1820 г. Отрицательная оценка, однако, не помешала ему цитировать отдельные места, прежде всего как раз те приписываемые Саади строки, которые емугодились как эпитафия к «Бахчисарайскому фонтану». Так что тут, возможно, обошлось и без всякой причастности персидского автора. Несколько позже появилось стихотворение Жуковского «Лалла Рук», навеянное выступлением супруги великого князя Николая Павловича в роли принцессы Лалла Рук во время придворного праздника в Берлине в 1821 г. Жуковский, который тогда присутствовал на этом празднике, был тайным поклонником великой княгини и пользовался именем «Лалла Рук» для прикрытия настоящего адресата своих стихов. В этих стихах встречается строка «Гений чистой красоты», использованная потом Пушкиным в его шедевре «Я помню чудное мгновенье...». А в одном наброске к восьмой главе «Евгения Онегина» выступает та же Елизавета Федоровна — теперь уже императрица — опять под именем Лалла Рук.

Почти в то же время, в 1829 г., в записках о кавказском походе, позже опубликованных под названием «Путешествие в Арзрум», Пушкин в описании Тифлиса еще раз цитирует из «Лалла Рук» (теперь даже по-английски) строки о грузинских девушках.

Все это, как мне кажется, говорит о каком-то неоднозначном отношении Пушкина к восточному слогу, к восточной поэзии.

Что касается Саади, названного Байроном «морализирующим по-этом», нельзя утаить еще одно обстоятельство. Почти единодушно все исследователи, занимавшиеся стихотворением 1835 г. «Подражание арабскому», признали, что встречающаяся там метафора «двойной орешек / под одною скорлупой» восходит к «Гулистану» Саади. Там персидский поэт описывает свое отношение к одному ученику и близкому другу именно при помощи метафоры «двойного миндального орешка под одною скорлупой».

Это место находится в «Гулистане» в главе «Любовь и юность», где речь идет почти исключительно об отношениях старших и младших лиц мужского пола. Интересно, что Гете в своих комментариях к «Западно-восточному дивану» цитирует ту же главу «Гулистана», чтобы объяснить основание «книги виночерпия».

Тут, естественно намечается какая-то внутренняя связь с пушкинским стихотворением «Из Гафиза», обращенным к «красавцу молодому», — но это уже другая история, как Киплинг некогда сказал...

Примечания

¹ *Sismondi L. Ch. De la litterature du Midi de l'Europe: [En 4 t.]. Paris; Strasbourg, 1813.*

С. А. Кибальник
(Санкт-Петербург, Россия)

ПУШКИН И КОНФУЦИАНСТВО

1

Единственное упоминание Конфуция у Пушкина находится в черновой строфе «Евгения Онегина» и относится к строкам, которые в России едва ли не каждый знает наизусть, — к VI строфе первой главы, где содержится ироническая характеристика поверхностной образованности героя:

Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

(VI, 7—8)

Сбоку, против черновика этих стихов, и помещен фрагмент о Конфуции:

[Конфуций] мудрец Китая
Нас учит юность уважать —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003